

Emigrantika

И ВОЗЛЕ

К 60-летию Олега Коростелева

Издательство
Дмитрий Сечин
Литфакт
Москва 2019

С. Н. Доценко (Таллинн)

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА «КУКУШКА»

А. М. РЕМИЗОВА

Не только у славян, но и по всем племенам
немецким кукушка разумеется вещью птицею.

Ф. И. Буслаев

Обычно А. Ремизов сам указывал на источники своих фольклорно-этнографических пересказов и стилизаций. Поэтому примечания к его книгам сказок и легенд («Посолонь», «К Морю-Океану», «Лимонарь, сиречь Луг духовный», «Николины притчи», «Укрепа» и др.) пестрят ссылками на сборники сказок, легенд, заговоров, духовных стихов, обрядов, поверий. А также — ссылками на исследования известных фольклористов и этнографов (Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, А. А. Потемни, Е. В. Аничкова, Д. К. Зеленина, А. Н. Пыпина, Н. Ф. Сумцова и др.). Из этих источников Ремизов заимствует многие фольклорные сюжеты, образы и мотивы¹. В то же время можно заметить, что многие произведения писателя, основанные на фольклорно-этнографических источниках, сопровождаются примечаниями без точных библиографических указаний и ссылок. К их числу относится «мифологическая обработка» известного обряда кумовства («крещение кукушки»), названная Ремизовым «Кукушка» (она вошла в книгу сказок «Посолонь»). Неизбежно возникает вопрос: какими же фольклорными источниками пользовался Ремизов при ее написании?

¹ На это Ремизов указал в примечаниях к книге «Укрепа» (1916): «Положено в основу рассказов моих народное» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 434). И далее он перечислил использованные им сборники сказок и легенд Д. Н. Садовникова, Н. Е. Ончукова, Д. К. Зеленина. Об использовании Ремизовым исследований русских этнографов и фольклористов см. также: Розанов Ю. Научная книга в творческом сознании Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы = Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 33–42; Розанов Ю. Алексей Ремизов и фольклор: От зырянского мифа к «Посолони» // Русский мир. 2014. № 9. С. 81–98.

Филолог А. В. Рыстенко в своей книге о творчестве А. Ремизова высказал предположение, что главным источником для «Кукушки» Ремизова послужила книга А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Сопоставив «Кукушку» Ремизова с описанием обряда, которое приводится в исследовании А. Н. Афанасьева, А. В. Рыстенко пришел к следующему заключению (правда, не очень категоричному):

«Описание этого обряда, находящееся в III-м томе цитированной книги Афанасьева, по-видимому, небезызвестно было Ремизову. <...> Но по своему обыкновению Ремизов снабдил свою пьесу поэтическим введением — изображением расцветшей природы. <...> Основы обряда и отдельные моменты в точности Ремизовым сохранены».¹

В данном случае А. В. Рыстенко ошибся: хотя этнографическая точность Ремизова бесспорна, но источники ее были иные. На самом деле Ремизов использовал не книгу А. Н. Афанасьева,² а диалектологическое исследование П. Н. Тиханова «Брянский говор» (СПб., 1904),³ в котором содержалось описание ряда детских игр, и в том числе — игры-обряд «крестины кукушки». То, что речь идет об обряде, выродившемся в детскую игру, подчеркивает и сам

¹ Рыстенко А. В. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 67.

² Описание обряда «крестины кукушки» см.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1869. Т. 3. С. 226–228. Сведения из книги А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» А. Ремизов использовал при написании другой сказки сборника «Посолонь» — «Воробьиная ночь» (см. об этом подробнее: Доценко С. «Воробьиная ночь» Алексея Ремизова // Русская речь. 1994. № 2. С. 103–106).

³ Сам Ремизов в мемуарной книге «Иверень: Загогулины моей памяти» признавался: «Однажды я сделал опыт: я вспомнил, что надо прикоснуться к земле и только тогда оживу. Я взял Областные словари, издание II Отд<еления> Акад<емии> Наук, и, медленно читая, букву за буквой, я, не спеша, обошел всю Россию. И откуда что взялось. Моя “Посолонь” — ведь это не выдумка, не сочинение — это само собой пришло — дыхание и цвет русской земли — слова» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. М.: Русская книга, 2000. С. 279).

Ремизов. В примечании к «Кукушке» он пишет: «Можно заметить, что обрядовые действия, вырождаясь у взрослых, переходят к детям в виде игры. Так древние обряды Ивановского кумовства (на Ивана Купала) с завиванием венков, с сплетением травы, волос, с поцелуями и песнями перешли в игру “Крещение кукушки”»¹.

В исследовании П. Н. Тиханова мы находим такое описание игры «крестины кукушки»:

«В некоторых уголках Брянской округи до сих пор ведется обычай крещения кукушек на Николин день (9 мая). Для этого обряда собираются дети, преимущественно девочки, и гурьбою отправляются в лес, в рощу или сад, где прежде всего занимаются поисками кукушки и кокуна <...>. Отыскав травку (обе они должны находиться неподалеку от березы), кукушку одевают девочкой, а кокуна <...> мальчиком <...>. Затем обе наряженные травки (собственно листочки) кладут под березу, на сук которой вешают крест-тельник, и под этим-то крестом девочки, став друг против друга, кумятся, для чего протягивают одна другой руку и, поцеловавшись, — переменяют место. Такое целование совершается три раза. После чего раскладывают костер и готовят яичницу <...>»².

В примечании к «Кукушке» Ремизов воспроизводит (не очень отклоняясь от текста) это описание: «Гурьбой отправляются дети в лес или рощу. Дорогой, отыскав траву-кукушку, наряжают ее девочкой, а другую траву-кокуна мальчиком, обе травки кладут под березу, на сук вешают крест-тельник и, став друг против друга под крестом, кумятся: протягивают одна другой руку и, поцеловавшись, переменяют место, так трижды. Потом раскладывают костер и готовят яичницу»³.

Обычно обряд совершался на Семик, Троицу, Вознесение и Духов день⁴. «Николин день» (как время совершения

¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 165.

² Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 200.

³ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 165.

⁴ См.: Халанский М. Народные говоры Курской губернии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 5. С. 146–147; Шейн П. В. Великорусс в своих

обрядя крещения кукушки) называет только П. Н. Тиханов, и этим указанием воспользовался Ремизов: «Крестят кукушку на Николин день <курсис мой. — С. Д.> или на Вознесенье, на Семик и Троицу»¹. Тиханов приводит в своем описании обряда и песенку, которую девочки исполняли во время «крестин кукушки»: «Кукушечка боровая // Чему в бору не сидела, // А мне уже в бору жить скучилось: // Воли нету, // Воды нету, // Пошла воля по лугам, // А вода по болотам»².

Ремизов включил эту песенку в текст своей «Кукушки», но несколько изменил ее (в частности, придал ей форму диалога между девочками и птицей кукушкой):

«— Кукушечка боровая, чего в бору не сидела?
— Воли нету, воды нету.
— Где же воля?
— Пошла воля по лугам.
— Где вода?
— Пошла вода по болотам»³.

Кроме того, Ремизов обыгрывает само значение слова «кукушка». В одном случае у него говорится о птице кукушке («не сиделось кукушке в бору, поднялась в луга»⁴), в другом — именно о траве кукушке⁵: «Под широким ло-

песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1–2. С. 342–343; Кедрина Р. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 102, 114; Елеонская Е. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 146, 152–154; Харузина В. Н. Обряд “крестить кукушку” в Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 140, 144.

¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 165.

² Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 200–201.

³ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Имеется в виду растение: «Кукушка, кукушкины слезки, растен. Ruzula, также Orchis, змеевик; последним девушки кумятся в семик» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. II. С. 214).

пухом несли к у к у ш к у, плели венки»; «Посадили девочку к у к у ш к у на березку»¹. После совершения обряда трава-кукушка превращается в птицу и должна полететь в луга, согласно напутствию девочек: «Лети, кукушечка, лети, боровая, в лугах птички поют, соловей свищет».² Превращая траву-кукушку — в птицу кукушку, Ремизов придает детской игре черты более архаичного обряда. Согласно некоторым этнографическим свидетельствам, когда-то в обряде крестин кукушки использовалась настоящая птица кукушка:

«Некоторые женщины говорят, что раньше крестили настоящую птицу кукушку. <...> Вследствие трудности достать настоящую птицу ее стали заменять “кукушкиною травкою”».³ Такая трансформация элемента обряда — вполне в духе ремизовской установки на использование детских игр в качестве материала для реконструкции более архаичных мифологических универсалий, т. е. для «воссоздания народного мифа». Об этом Ремизов писал в «Письме в редакцию» журнала «Золотое руно» (1909):

«<...> При воссоздании народного мифа, когда материалом может стать потерявшее всякий смысл, но все еще обращающееся в народе, просто-напросто, какое-нибудь имя — К о с т р о м а, К а л е ч и н а-М а л е ч и н а, С п о р ы ш, М а р а-М а р е н а, Л е т а в и ц а — или какой-нибудь обычай, вроде Д е в я т о й п я т н и ц ы, Т р о е ц ы п л е н и ц ы, — все сводится к разнообразному сопоставлению известных, связанных с данным именем или обычаем фактов и к сравнительному изучению сходных у других народов, чтобы в конце концов проникнуть от бессмысленного и загадочного в имени или обычая к его душе и жизни, которую и требуется изобразить»⁴.

Другими словами, при реконструкции «народного мифа» Ремизов использует все многообразие этнографических

¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 20 (везде разрядка Ремизова. — С. Д.).

² Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 20.

³ Кедрин Р. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 102–103.

⁴ Ремизов А. Письмо в редакцию [29. VIII. 1909 г.] // Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 608 (разрядка А. Ремизова. — С. Д.).

и фольклорных источников. Так происходит и при создании им «Кукушки». В примечании он упоминает о традиционной фольклорной семантике кукушки — как символе тоскующей женщины.¹ И заимствует эпитет «кукушечье-горюшечье» из работы Д. К. Зеленина «Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию» (СПб., 1903), где автор, объясняя слово «горюшица», ссылается на народную сказку «Ворона»: «На этой сосне виловатой кокушечье-горюшечье гнездо свила и детей свела».² У Ремизова появляется (почти дословно воспроизведенный) этот фрагмент: «Кукушечье-горюшечье на виловатой сосне соскучилась <...>».³

Среди вполне вероятных источников «Кукушки» Ремизова можно назвать и исследование М. Г. Халанского «Народные говоры Курской губернии» (СПб., 1904). В частности, именно оттуда попал к Ремизову мотив «горы-кручи», куда пришли девочки для совершения обряда крестины кукушки. Ремизов дает краткое пояснение: «Гора-круча — обрывистая гора».⁴ Тем самым этот мотив оказывается речевым клише (по образу и подобию таких сказочных клише, как «путь-дорога», «море-океан», «царство-государство» и т. п.). На самом деле у этой «реалии» есть «прототип», описанный у М. Г. Халанского:

«В с. Колосовке Белгор. у. «крещенье кукушки» совершается в день св. Троицы или в Духов день. Девицы идут в лес, находящийся на возвышенном берегу Донца и называемый Кручей, плетут там венки, вплетая в ветви кресты, серьги или иные металлические украшения, вешают их на грушу и водят хоровод <...>»⁵.

Конкретный топоним превратился у Ремизова в стереотипный фольклорный мотив. Из того исследования

¹ См.: Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 165.

² Зеленин Д. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сборник ОРЯС. 1903. Т. 76. № 2. С. 44, 140.

³ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ Халанский М. Народные говоры Курской губернии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 5. С. 146.

М. Г. Халанского попало в «Кукушку» Ремизова и диалектное слово «чирюкан» — кузнечик, сверчок.¹

Главный смысл обряда «крещение кукушки» — народное кумовство. Другой аспект его, связанный с похоронами и вырыванием «кукушки» (через год), имеет несколько иной смысл: «<...> Это обряд весенний, аграрный, имеющий целью увеличить производительность природы».² Но поскольку в источниках, которыми пользовался Ремизов³, эта

¹ Там же. С. 23. Диалектологические словари были для Ремизова не только источником сведений по диалектологии, но и тем источником, из которого Ремизов заимствовал фольклорные тексты (пословицы, поговорки, загадки, разговоры, поверья, приметы и пр.). Например, в сборнике М. Г. Халанского сообщается: «Бабка несет ребенка в курник и, качая его, приговаривает: “криксы вараксы! идите вы за крутые горы, за темные леса от младенца (такого-то)”» (Там же. С. 81). Реминисценция этого заговора есть в сказке Ремизова «Купальские огни»: «Криксы-вараксы скакали из-за крутых гор, лезли к попу в огород, оттяпали хвост попову кобелю, затесались в малинник, там подпалили собачий хвост, играли с хвостом» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 29; курсив мой. — С. Д.). А в примечании к этому месту Ремизов точно воспроизвел текст заговора, но присовокупил свой комментарий: «Криксы-вораксы — мифическое существо, олицетворение детского крика. Если ребенок кричит, надо нести его в курник и, качая, приговаривать: “Криксы-вораксы! идите вы за крутые горы, за темные леса от младенца такого-то”. Крикса-плакса. Варакса-пустомеля. Варакать — вахлять, валять» (Там же. С. 168). В последнем случае — для объяснения слова «варакать» — Ремизов воспользовался уже словарем В. И. Даля: «Варакать или варакать; варакосить вологодск. варанить ряз. писать или делать что кой-как, дурно, без умения, как ни попало; вахлять, валять. Варакаться, варакаться, кур. вор. вараться, копотко и дурно работать, возиться, мешкать, валандать, делать что без успеха. || Варакать и варакосить употребляют и вместо врать, болтать пустяки, говорить вздор» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I. С. 164). См. также: «Криксы — какое-то мифическое существо, воплощающее в себе детский крик и требующее “отговора”, заговора» (Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний: Материалы, исследование и словарь // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 3. С. 124). Как очевидно, в сказке Ремизова «криксы-вараксы» и есть такое мифическое существо.

² Кедрина Р. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // Этнографическое обозрение. 1912. № 1–2. С. 139.

³ Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1–2; Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии // Сборник

сторона обряда особенно не акцентировалась (или вообще не упоминалась), то нет ее и в тексте Ремизова.¹ Аграрно-магическую символику умирающей и затем воскресающей растительности (хлебного зерна) Ремизов актуализирует в другой обработке игры-обряд — «Костроме» (также вошедшей в книгу «Посолонь»)².

ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4; Халанский М. Народные говоры Курской губернии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 5.

¹ О ритуальном аспекте «Кукушки» Ремизова см. также статью: Rzepnikowska Iwona. Мифо-ритуальное начало в сказках Алексея Ремизова «Посолонь» // Festkultur in der russischen Literatur (18.–21. Jahrhundert). Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. München: UTZ Verlag, 2010. С. 155–164. Исследовательница рассматривает описанный Ремизовым ритуал «крещения кукушки» на фоне русской фольклорной традиции, однако не ставит целью выявить конкретные источники текста Ремизова.

² См. примечание Ремизова: «Миф о Костроме-матери вышел из олицетворения хлебного зерна: зерно, похороненное в землю, оживает на воле в виде колоса» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 163). И тут же Ремизов отсылает читателя к исследованию Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», в котором игра-обряд похороны Костромы типологически сближается с аграрными обрядами в честь древнегреческого бога растительности Адониса (см.: Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903. Т. 1. С. 342–347). Отметим, что исследователи считают источником ремизовской «Костромы» либо книгу А. Н. Афанасьева (см.: Рыстенко А. В. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 64), либо книгу Е. В. Аничкова (см.: Rosenthal, Charlotte. Remizov's Sunwise and Leimonarium: Folklore in Modernist Prose // Russian Literature Triquarterly. 1986. Vol. 19. P. 99; Carden, Patricia. The Living Vessel of Memory // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. G. Slobin. Columbus (Ohio), 1987. P. 209). Однако Ремизов опирался также на записи этой детской игры, которые помещены в сборнике П. Н. Тиханова «Брянский говор» (см.: Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 189–191). Из этого же сборника Ремизов почерпнул описания и других детских обрядов и игр: «Гуси-Лебеди», «Красочки», «Калечина-Малечина» (см.: Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнологии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 185, 191, 197), которые также вошли в книгу «Посолонь». А в обработку детской игры «Кошки и мышки» Ремизов включил мотив заговора, записанного П. Н. Тихановым: «Мышка, мышка, — на тебе зуб костяной, дай мне зуб железный (так надо-де сказать, бросая за печь выпавший у ребенка молочный зуб)» (Тиханов П. Н. Брянский говор:

Что касается «Кукушки», то в ней Ремизов связывает «крещение кукушки» с обрядами Ивановского кумовства (плетение венков, спускание их на воду, завивание березки и пр.), совершаемыми на Ивана Купала. В приращении он специально подчеркивает: «Так древние обряды Ивановского кумовства (на Ивана Купала) с завиванием венков, с сплетением травы, волос, с поцелуями и песнями перешли в игру “Крещение кукушки”».¹ В своем выводе Ремизов опирался на статью А. Н. Веселовского «Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности». Рассматривая купальские обряды в связи с идеей кумовства, А. Н. Веселовский обратил внимание на то, что «св. Иоанн Креститель в итальянских обрядах 24-го июня — покровитель народного кумовства, духовной связи, символически выражающейся в Сицилии образом сплетения (волос, травы) <...>».² Исследовав русский этнографический материал, А. Н. Веселовский приходит к выводу: «У нас нет свидетельств об ивановском кумовании в русских обрядах, но в некоторых местностях России существует обычай между женщинами кумиться и дружиться в Петров день, на лугу, причем они водят хороводы, целуются и меняются крестами».³

Нетрудно заметить, что упоминаемый А. Н. Веселовским итальянский обряд действительно может быть аналогом русского обряда «крещения кукушки». Ремизов, опираясь на исследования этнографов, делает еще более решительный шаг — прямо сближает ивановское кумовство и детскую игру «Крещение кукушки», благо позиция «писателя-этнографа» давала больше свободы для установления тех

Заметки из области русской этнологии // Сборник ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 202; курсив мой. — С. Д.); ср. у Ремизова: «Тащили кулек с костяными зубами — есть такое поверье; когда у детей выпадает зуб, следует его бросить под печку мышкам, говоря: “На тебе, мышка, зуб костяной, а мне дай железный”» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 164 (прим.); курсив мой. — С. Д.).

¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 165.

² Веселовский А. Н. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности: (Хронологические гипотезы) // ЖМНП. 1894. № 2 (февраль). С. 298.

³ Там же. С. 315–316.

или иных параллелей и аналогий (такой свободы лишен, как правило, ученый-фольклорист). Несомненно, что статья А. Н. Веселовского была в поле зрения Ремизова, хорошо знакомого и с другими известными его исследованиями, в частности — с «Разысканиями в области русского духовного стиха», на которые он также ссылается в примечаниях к книге «Посолонь».¹

Сам Ремизов не в последнюю очередь адресовал «Посолонь» детскому читателю, поэтому «детскость» книги отметили уже первые ее рецензенты. Приведем несколько цитат: «<...> В своих сказках Ремизов одинаково близок и интересен для взрослых и для детей. Детям, без всякой подделки, одним любовным прикосновением он показывает то, что все знают в детстве, но не умеют назвать, а у взрослых воскрешает то, что они позабыли».² «Призвание Ремизова быть сказочником-сказителем, ходить по домам, как делают это теперь уже многие сказочники в Англии и Америке, и, кутаясь в свой вязаный платок, рассказывать детям и взрослым своим таинственным, вкрадчивым голосом бесконечные фантастические истории про забытых и наивных человеческих богов».³ «Мне кажется, что большинство (б<ыть> м<ожет> даже огромное) пьес, вошедших в состав VI-го тома, т. е. “Посолони” и “К морю-океану”, при всей их тщательной в духе народно-поэтическом разработке, предназначается Ремизовым для детского чтения <...>».⁴ «<...> Книга сказок А. Ремизова “Посолонь”, яркая, простая, кристально-прозрачная, детская. Казалось бы, трудно не принять эту поэтическую книгу, в которой с такой кажущейся простотой переработаны мотивы сказок, детских игр, поверий; однако ее не приняли, и до сих пор

¹ См. прим. к сказке «Зима лютая» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 173). О значении научных трудов А. Н. Веселовского для Ремизова см. подробнее: Розанов Ю. Научная книга в творческом сознании Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы = Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 37–39.

² Форш О. Алексей Ремизов. Посолонь. М., 1907 // Утро жизни (Киев). 1908. № 1. С. 58; (рец. подписана криптонимом: О. Ф.).

³ Волошин М. Лики творчества // Русь. 1907. 5 апреля. № 95. С. 3.

⁴ Рыстенко А. В. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса, 1913. С. 68.

она является книгой “для немногих” <...>¹. «Всем своим творчеством показывает он, что царство “Святой Руси” — поистине внутри нас, по крайней мере, тех из нас, которые способны чувствовать всю поэтическую прелесть народного “мифотворчества”, всю глубокую детскую мудрость народных верований, понятий, представлений <...> Он умеет проникнуться “детской” мудростью, умеет взглянуть на мир и жизнь “детскими” глазами <...>².

В то же время чтение «Посолони» требует известной этнографической и фольклористической эрудиции. Как же можно разрешить это противоречие? Ведь детского читателя мало интересовали фольклорные цитаты и реминисценции, тем более — сосредоточенные в довольно пространственных примечаниях автора³. Дело, видимо, в том, что эти примечания были предназначены не детскому читателю, а взрослому, — так сказать, более «образованному» и более «эрудированному». Детей больше занимали фольклорно-мифологические образы и сюжеты сами по себе. Об этом свидетельствуют впечатления младших современ-

¹ *Иванов-Разумник П.* Творчество А. Ремизова // Иванов-Разумник П. Творчество и критика. Т. II. СПб.: Прометей, 1912. С. 81.

² Там же. С. 104–105.

³ Справедливости ради отметим, что подробные этнографические примечания автора к «Посолони» появились во 2-м издании книги, т. е. в VI-м томе «Сочинений» А. Ремизова (СПб., 1911), а в издании 1907 г. примечания автора были предельно кратки и сводились преимущественно к объяснению малопонятных диалектных слов. Сам Ремизов скептически оценивал возможность успеха своей книги у читателя, о чем и писал О. Маделунгу (11 января 1907 г.): «Посылаю “Посолонь” — книга успеха не будет иметь; словом мало кто интересуется» (Письма А. М. Ремизова и В. Брюсова к О. Маделунгу / Сост. и подг. текста, предисл. и примеч. П. А. Енсена и П. У. Меллера. Copenhagen, 1976. С. 44). Л. Шестов писал Ремизову 13 апреля 1907 г. о только что вышедшей книге последнего «Посолонь» (1907): «Насчет распространения я хлопочу: 4 экземпляра купили, по моему указанию, знакомые. <...> Не всем нравится: говорят, что понять нельзя. Я вот в Москве знаменитому Качалову <актеру МХТ. — С. Д.> читать давал: думал, воспользуется, в концертах читать станет. Да ничего не вышло. Прочел вслух при мне две сказочки, встал, плюнул и ушел. Так ты в знаменитости и не вышел» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 177).

ников Ремизова, прочитавших «Посолонь» еще в детские или отроческие годы.¹ Тем самым книга «Посолонь» обнаруживает свою «протеичность», различную смысловую перспективу: для детского читателя она — прежде всего собрание детских игр, сказок, считалок, приговорок, а для взрослого читателя — собрание замечательных фольклорных и этнографических этюдов, свидетельствующих о незаурядной научной эрудиции автора². Двойная адресация

¹ См. в воспоминаниях А. Дейча: «Причудливые сказки Алексея Ремизова мне нравились и были понятнее, несмотря на сложность языка, чем его повести “Пруд” и “Крестовые сестры”. Мы с младшим братом Яшей и школьными товарищами многое усвоили из заклинательного лексикона Ремизова. Даже наша старая нянька Ольга Ивановна, богомольная пензячка, ходившая в Иерусалим “ко святым местам”, получила от нас ремизовское прозвище “Чучело-чумичило гороховая Куличена”, а попросту, для краткости — Куличена» (*Дейч А.* День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. М., 1985. С. 276). А вот воспоминания Н. Резниковой, относящиеся к 1913 г.: «Среди множества подарков и книг, привезенных мамой из России <...> была изящная книжка в белой обложке, с легкими, нарисованными штрихами цветами — “Посолонь” Алексея Ремизова <...> Эта книга вошла в нашу жизнь, мы полюбили ее. Может быть, она сформировала наш слух и чувство русского языка» (*Резникова Н. В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 35).

² Характерно на сей счет суждение критика А. Измайлова: «В этой области Ремизов — такой редкий знаток и такой страстный любитель, что, не будь у нас бездны между вольным литературством и патентованно-учеными учреждениями, он, конечно, заслуживал бы степени магистра “чести ради” в гораздо большей степени, чем десятки приват-доцентов. Авторитеты, которые познакомились бы с его книгами, могли бы искренне пожалеть, какой старательный, добросовестный и страстный ученый погиб в этом литераторе. Две книги Ремизова “Посолонь” и “Лимонарь”, где собраны <...> пересказы народных легенд и сказок, — может быть, самые законченные, самые стильные и самые ценные книги Ремизова, из которых даже неспециалист может видеть прямо блистательное знание им русского мифа и чувство народно-русского стиля» (*Измайлов А.* Старорусские кружева // Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 95). О том же писал Г. Чулков: «В поисках живых слов и оборотов Ремизов обращается к памятникам нашей древней словесности. Руководствуясь изысканиями Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, Е. В. Аничкова и др. и внимательно изучая

«Посолони» наглядно проявилась и в двойном же посвящении книги: Ремизов посвятил ее своей 3-летней дочери Наташе Ремизовой и одновременно Вяч. Иванову — поэту, теоретику русского символизма, блестящему знатоку мифологии. Тому самому Вяч. Иванову, о научной и культурной эрудиции которого Ремизов вспоминал, хотя и несколько иронично: «<...> Познания всесветные! достойный ученик великого учителя Моммзена»¹.

Ремизов, однако, стремился избежать обычной литературной адаптации фольклорных текстов. Свою позицию (как писателя) в вопросе обработки фольклорных текстов он определил так: «<...> Думают многие писатели, пишущие по старине и по-народному, будто старина и народность выражается особым словарем, расстановкою слов, уменьшительными именами и сросшимися эпитетами. <...> Детям <...> никаких этих тонкостей не надо и ничего они не заметят, а будут совсем другое замечать, но скажу, такого

первоисточники, Ремизов с изумительным трудолюбием и с зоркостью филолога отыскивает все новые и новые сокровища. И самоцветные камни народной речи, словесные богатства сказок, песен, апокрифов сверкают и горят новыми огнями в золотой оправе искусного мастера» (Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 168–169). Добавим, что научные авторитеты в области этнографии, фольклористики и древнерусской словесности хорошо знали (и высоко ценили) творчество Ремизова, а сам Ремизов поддерживал дружеские и деловые отношения с представителями академической филологической науки: И. А. Шляпкиным, Е. В. Аничковым, А. И. Яцимирским, М. Н. Сперанским, А. А. Шахматовым (см. об этом подробнее: Грачева А. М. Из истории контактов А. М. Ремизова с медиэвистами начала XX века: (Илья Александрович Шляпкин) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. XLVI. С. 158–169; Грачева А. М. В кругу петербургских медиэвистов // Грачева А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 70–91).

¹ Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. С. 312; см. также: Грачева А. М. Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 76). В 1921 г. Вяч. Иванов защитил докторскую диссертацию на кафедре классической филологии АзГУ (см.: Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я Гос. тип., 1923; подробнее см.: Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 327–328).

рода народность и старина, и совсем незаметно, пройдут в душу и не бесследно»¹.

Сказанное в значительной степени определило своеобразный фольклоризм книги Ремизова «Посолонь», которая, по его же признанию, оказалась «написанной ни для кого, но которую встречал и у детей — любимой»².

¹ Ремизов А. Крашенные рыла: Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. С. 63.

² Там же. С. 99. Впрочем, сказки из «Посолони» читались и взрослыми. В мемуарной книге «Кукха» Ремизов вспоминал: «Была у нас Зинаида Николаевна <Гиппиус. — С. Д.> и Т. Н. У З. Н. бывают минуты неподдельно детские. Как хорошо она выговаривает в сказке “ам!”» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 7. Ахру. М.: Русская книга, 2002. С. 48; «Т. Н.» — художница Татьяна Николаевна Гиппиус, сестра З. Н. Гиппиус). Речь идет о сказке Ремизова «Ночь темная», в которой использован хорошо известный фольклорный сюжет о «мертвом женихе». В конце сказки Ремизова мертвый царевич съедает царевну — тогда-то и появляется это слово из детского лексикона: «У семи колов на серебряном озере, где лежит серый волк, у семи колов как обернется царевич, зубы оскалил, мертвый — белый — бледный, как месяц.

— Милая, — говорит, — моя, не боишься ли ты меня?

— Нет... А ночь темная, лошадь черная...

— Ам!!! — съел» (Ремизов А. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 46).